

ЩЕДРИН И ПУБЛИЦИСТИКА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

ПРОТИВ НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О ЩЕДРИНЕ

Статья Я. Эльсберга

I

Творчество Салтыкова-Щедрина в критике и истории русской литературы является таким литературным участком, на котором и вокруг которого классовая борьба шла и идет в заостренном и обнаженном виде. Формы этой борьбы многообразны. Идеологи помещичье-буржуазного блока глубоко ненавидели Салтыкова. По мнению Гончарова Щедрин писал «слюнями бешеной собаки»¹. Б. Н. Чичерин с негодованием говорил о той русской литературе, которая не изображает «тех человеческих отношений, которые были в старом русском (т. е. крепостном.—Я. Э.) быту», а «откапывает разные мерзости вроде «пошехонской старины»². Константин Леонтьев заявил, что «у Щедрина желчь сухая, злорадная, подлая какая-то, но сильная в этой своей подлости»³. Н. Н. Страхов характеризовал сатиру Салтыкова как «нахальную издевку, неистовое глумление и надругательство»⁴.

Наряду с открытой звериной ненавистью крепостников гневный сатирический протест Щедрина против России благонамеренности и хищничества, России ташкентцев, помпадуров и либеральных пенкоснимателей, «премудрых пискарей» и «вяленых вобл» встречал и хитрую «дружбу» либеральных публицистов и критиков, пытавшихся замолчать самые острые стороны щедринской сатиры, встречал холопскую, подлую и трусливую цензуру редакций либеральных журналов.

Ленин в 1912 г. писал о кадетях, что они «хватаются за фалды Щедрина», несмотря на то, что «Щедрин беспощадно издевается над либералами»⁵. Публицисты либеральной буржуазии всегда пытались опозлать и снизить Щедрина до себя. Так, по мнению Струве, то, что Салтыков обличитель, — не самое важное в его творчестве. «Основной чертой Салтыкова была не потребность сразить врага, а глубочайшее чувство жалости. Салтыков жалел не только угнетенных, но и угнетателей»⁶. Это писалось в 1913 г. в той самой «Русской Мысли», которую Салтыков еще лет тридцать до того определил как «совершенный нужник»⁷.

Народники, так же как и либералы, хватались и хватаются за фалды Щедрина. Но следует признать, что положение их в данном случае выгоднее, чем положение либералов. Около пятнадцати лет Салтыков, вместе с такими теоретиками народничества, как Михайловский и Елисеев, был редактором «Отечественных Записок», органа легальной народнической мысли 70—80-х годов. Чрезвычайно соблазнительно было для народников объявить такою крупного писателя, как Щедрин, своим, народником. Недаром, как мы увидим дальше, Михайловский в 90-х годах выпячивал вперед те документы, которые свидетельствовали об единстве взглядов его и Щедрина, и затушевывал возникавшие между ними принципиальные разногласия. В 90-х годах овладение наследством Щедрина означало укрепление позиций народничества в борьбе с марксизмом. За Михайловским пошли эсеры. Виктор Чернов утверждал, что «Щедрин и народнический активный социализм были связаны неразрывно и нераздельно»⁸.

В наше время народническая легенда о Щедрина получила подробную разработку в литературоведении благодаря работам Иванова-Разумника, выступавшего еще недавно в роли почти монопольного комментатора Щедрина. Иванов-Разумник в своих работах проводит следующую основную мысль: «Салтыков не только отражал в художественных образах идеологию народнического социализма, но часто первый ставил и решал теоретические вопросы, позднее разрешавшиеся в том же самом направлении Михайловским»⁹. В другой работе Иванова-Разумника, в его комментарии к «За рубежом», мы читаем: «Мировоззрением Салтыкова было то социалистическое народничество, выразителем которого являлись в русской журналистике того времени «Отечественные Записки» во главе с Михайловским и Салтыковым»¹⁰.

Народническая легенда о Щедрина требует значительно более подробно обоснованного опровержения, чем легенда либеральная. Тема «Салтыков и народничество» будет неизбежно одной из основных тем любого марксистского исследования творчества Щедрина. В настоящей статье мы эту проблему рассматриваем на ряде прямых высказываний Щедрина, в сопоставлении с выступлениями народнических теоретиков 70—80-х годов по коренным для народнического мировоззрения вопросам. В этих эпизодах отражаются как-раз такие идейные коллизии, в которых наиболее ясно сказываются тенденции и перспективы отношений Щедрина и теоретиков «Отечественных Записок».

II

Для разрешения вопроса об отношении Щедрина к народничеству естественно привлекалась известная ленинская статья «От какого наследства мы отказываемся?» К сожалению это противопоставление «наследства» и народничества, которое содержится в этой статье, истолковывалось в ряде работ, с которыми мне пришлось ознакомиться (я имею в виду и некоторые работы, читанные в рукописи), слишком упрощенно.

Ленин расценивал «наследство» как буржуазное просветительство, как «прогрессивную буржуазную идеологию»¹¹. Ленин при этом отводил «наследству», в этом его социальном значении, совершенно определенный исторический отрезок. Ленин писал, что «в ту пору... когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось...»¹² Эта характеристика относится Лениным строго исторически только к просветителю 40—60-х годов. Совершенно очевидно, что с того момента, как демократия стала самостоятельным и отмежевывавшимся от либеральной буржуазии социально-политическим течением, положение изменилось решительным образом. Народничество выдвинуло вперед новые вопросы. Ленин писал: «Народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства», поставив перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители «наследства» частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. Постановка этих вопросов есть крупная историческая заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло тем самым передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли». Народничеству принадлежала «первая постановка вопроса о капитализме»¹³.

Мы подчеркиваем здесь эту положительную оценку народничества Лениным, так как слишком часто, рассматривая взаимоотношения Щедрина и народничества, у нас склонны упрощенно противопоставлять Щедрина — просветителя и хранителя «наследства» — народничеству. Конечно никак нельзя забывать ленинскую характеристику народничества как отсталой романтической и мелкобуржуазной критики капитализма, слабые стороны которой особенно резко выявились к 90-м годам. Но для того вопроса, который мы сейчас рассматриваем, важно себе уяснить, что к концу 60-х годов быть демократом, выступать против русской бур-

жуазии и вместе с тем ограничиваться только хранением «наследства» было уже невозможно. А сатирический протест Щедрина против крепостничества и бюрократического самодержавия в своем безбоязненно последовательном развитии становился демократическим, антибуржуазным, социалистическим, так как в то время демократизм и социализм еще не были размежеваны.

Важно себе уяснить далее, что в отношении Щедрина мы не стоим перед упрощенной альтернативой: или хранитель «наследства», или народник. Переплет идейных связей и соотношений в ту пору допускал ряд гораздо более сложных оттенков. Вспомним ленинскую характеристику Энгельгардта, данную в выше цитированной статье: «Энгельгардт — уже народник, но в его взглядах так много еще черт общих всем просветителям, так много того, что отброшено или изменено современным народничеством, — что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски, или к народникам»¹⁴. В другом месте этой же статьи Ленин говорит о том, что «есть и народники, хранящие «наследство» или претендующие на хранение его»¹⁵.

Тот же вопрос в отношении Щедрина представляет еще большую сложность. Бесспорно, что Щедрин воспринял и хранил «наследство» русского просветительства и великих западноевропейских просветителей и сатириков. Бесспорно также, что он долгие годы работал рука об руку с виднейшими теоретиками народничества. Наконец нельзя забывать, что Щедрин был художником, и великим художником, что его мышление по своему методу принципиально отличалось от мышления тех или иных публицистов эпохи.

В дальнейшем мы и должны уяснить себе, как соотносилось мировоззрение Щедрина, мировоззрение просветителя-сатирика, с теми народническими влияниями, которые оно не могло не испытывать. Раз мы знаем, что с конца 60-х годов Щедрин вы-

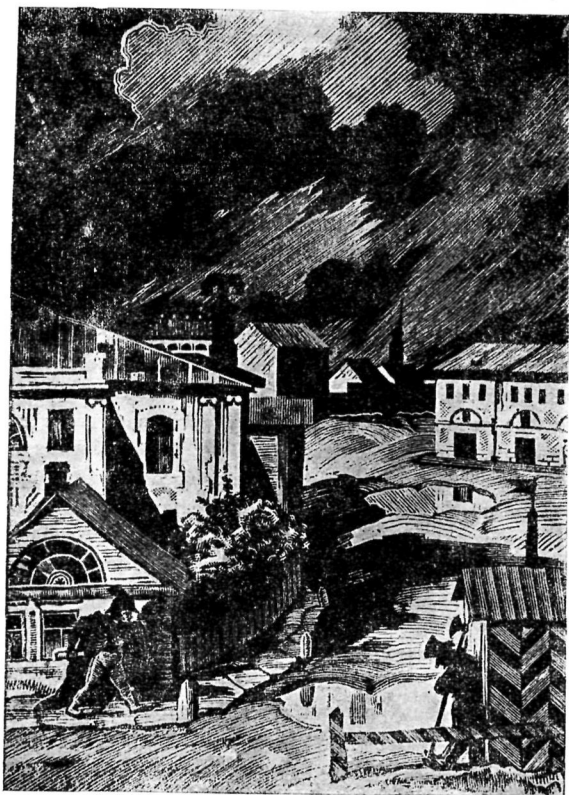

ИЛЛЮСТРАЦИЯ С. МОЧАЛОВА
К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»,
1931 г.

ступил не только против помещика и бюрократии, но и против русской буржуазии, что Щедрина оказался в лагере демократии, необходимо выяснит, какова была его критика капитализма в сопоставлении с критикой народничества.

III

Полезно будет припомнить некоторые исторические факты, характеризующие ту обстановку, в которой в данном разрезе пришлось работать и жить Салтыкову.

В 70—80-х годах люди, ограничивающиеся хранением «наследства», уже не играли прежней прогрессивной роли. Больше того: таких людей вообще становилось мало. Ряд представителей «наследства» в 70-х годах круто пошел вправо, к бюрократии, к соглашению с крепостничеством. К таким людям принадлежал и тот Скадин, о котором в своей статье писал Ленин. Но были и люди, которых действительно нельзя упрекнуть в том, что они пошли назад. Они только оставались стоять на старом месте в то время, как их обгоняли другие. К таким людям принадлежал например А. Н. Пыпин, в прошлом один из основных редакционных работников того «Современника», который возглавлялся Чернышевским. В 70-х годах Пыпин является редактором либерального «Вестника Европы». Пыпин несомненно сознательно стремился хранить заветы «наследства». В 1884 г. Пыпин в очень любопытных статьях выступил против народничества или точнее против правого фланга народничества, критикуя «мистически-сентиментальную» сторону народнических воззрений, отмечая, что ряд народников дает «путанное объяснение современных явлений». Пыпин был исторически прав, поскольку он с позиций трезвого реалистического «наследства» критиковал мелкобуржуазно-реакционные стороны народнических воззрений. Но критика эта страдала буржуазной ограниченностью. Пыпин учил народников «отложить свое мало основательное сомнение, научиться уважать чужой труд, которым сама (Пыпин имеет в виду «фракцию» народничества.—Я. Э.) пользуется»¹⁶. Пыпин не понимал того, что народничество отражало крестьянский мелкобуржуазный протест против капитализма, против буржуазии, в той или иной мере, в лице тех или иных своих представителей договаривавшейся с реакцией или капитулировавшей перед ней. Пыпин не понимал прогрессивной стороны народничества и его принципиального, в этом смысле, отличия от просветительства, он не понимал того, в каком именно отношении народничество сделало шаг вперед.

Мы привели в пример Пыпина для того, чтобы стало очевидно, насколько Щедрина в 70—80-х годах такие позиции удовлетворить не могли. Мы увидим дальше, что Щедрин тоже — и конечно гораздо ярче, более зло и беспощадно — критиковал слабые стороны русского народничества, всякие его националистические, мистические, сентиментально-романтические тенденции. Но Щедрин менее всего склонен был звать назад, оглядываться на прошлое.

Щедрина ни в какую пору его жизни нельзя назвать остановившимся человеком. У него был поразительный по живости реагирования политический и художественный темперамент. Он никогда себя не чувствовал тургеневским «отцом», дети которого ушли далеко вперед. Пыпин был для него, в лучшем случае, просто лично порядочным человеком, притом близким к Н. Г. Чернышевскому, но не более того. В Михайловском же он ощущал тот демократизм, который клал грань между «Отечественными Записками» и «Вестниками Европы», между «обществом» и теми людьми, которые помнили о «человеке, питающемся лебедой».

Еще одно сопоставление Щедрина с таким представителем просветительства, в мировоззрении которого не было народнических черт. Мы говорим о Благодетеле. В этом крайне своеобразном и еще мало изученном деятеле наиболее четко и откровенно нашли свое выражение буржуазные стороны идеологии и психологии русской демократии, тот буржуазный радикализм, который сказывался в теории Писарева. Но у Благодетеля, в гораздо большей мере практика-организатора, нежели идеолога, этот буржуазный радикализм выступил вперед именно своими общественно-отрицательными сторонами. Неизданные еще письма Благодетеля рисуют его человеком, соединявшим жгучую ненависть к русской отсталости, некультурности и дикости с подлинно буржуаз-

ным индивидуализмом. Не без наивности Благосветлов кичился щегольской и безвкусной квартирой нувориша, лакеем негром и всем тем комфортом, который он, буржуа, делец, демонстративно противопоставлял роскоши барства. Это было не только бытовой подробностью. Благосветлов явно недооценивал всю русскую демократическую литературу, выделяя — с точки зрения формы — одного Писарева, а вместе с тем впадал в культурнический восторг перед блеском европейской цивилизации, в частности Парижа 70-х годов. Благосветлова «царапали статьи, в которых говорилось против эксплуатации, и в защиту труженика, рабочего и мужика. Мужика он вообще недолюбливал»¹⁷ (Шелгунов).

Такие настроения были конечно Щедрину абсолютно чужды. Трудно в русской литературе указать другого большого писателя, которому так был чужд индивидуализм, как Щедрина, который умел так мало говорить о себе, который с такой горечью ощущал свое одиночество, вытекавшее, как мы увидим дальше, из всей совокупности социальных отношений эпохи. И Щедрин умел ценить европейскую культуру — достаточно вспомнить «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов». Но вместе с тем Щедрин всегда беспощадно разоблачал то хищническое обличье, которое буржуазная культура принимала в России в среде российских «культурных людей».

Конечно Благосветлов на фоне эпохи был не столько типом, сколько одиночкой, даже «чудаком», решились бы мы сказать. Но пример Благосветлова, так же как пример Пыпина, ценен для нас именно потому, что эти отнюдь не широко типические люди 70—80-х годов отчетливо показывают нам ограниченность буржуазного просветительства в условиях этих лет. Благосветлов особенно оригинален потому, что он, буржуа и просветитель, вместе с тем хотел быть в лагере русской демократии. Но не случайно конечно то, что в этом лагере он занял место не сколько-нибудь влиятельного идеолога, а место издателя, предпринимателя демократической печати.

Так на конкретных примерах Пыпина и Благосветлова становится очевидным, что их взглядами Щедрин ограничиться не мог, что его мировоззрение было гораздо более демократически боевым, гораздо более антибуржуазным, направленным и против российского капитализма.

IV

Здесь-то мы подходим к одной крайне существенной черте исторической обстановки, к черте, которая во многом обусловила отношения Щедрина и народничества. Мы говорим о той монополии, которая принадлежала народнической мысли в лагере русской демократии 70-х годов. Монополия эта выражалась в том, что демократический протест принимал форму народнического признания капитализма в России упадком, регрессом. Экономическая отсталость России затрудняла возможность иного обоснования этого протеста. Она не позволяла видеть то, что могильщик русского капитализма вырастет из его собственных недр. Но если у Щедрина в демократическом лагере не могло быть иных союзников, чем народники, то вместе с тем народничество это отнюдь не было, особенно в 70-х годах, вполне оформившимся, точно себя осознавшим идейным течением. Мы уж не говорим о том, что и в 80-х годах легальные народники никогда себя не ощущали партией, хотя бы весьма либерально организованной.

В 1876 г. Ткачев выступил против наиболее реакционного фланга народничества, против «Недели». Но в статье Ткачева нет вовсе термина «народники», он говорит по аналогии с 60-ми годами о «почвенниках»¹⁸. Правда, в 1880 г. в «Народной Воле» можно прочесть декларативное заявление: «Мы социалисты и народники»¹⁹, но этот термин явно нов, потому что даже в 1882 г. Юзов в своей книге «Основы народничества» пишет: «То, что у нас известно под общим именем «либерального направления», главным образом состоит из двух элементов: собственно «либерализма» и так называемого народничества»²⁰ (разрядка моя.—Я. Э.).

Наконец даже в 90-х годах Михайловский в полемике с марксистами пытается использовать то, что содержание термина «народники» еще не вполне установилось²¹.

Эти факты показывают, что говорить, как это делает Иванов-Разумник, о каком-то субъективно-сознательном примыкании Щедрина к народничеству — означает начисто игнорировать специфические, исторические особенности идейной жизни 70—80-х годов. Работа Щедрина в «Отечественных Записках» отнюдь не была и не могла быть каким-то вступлением в народническую партию, каким-то официальным признанием народнических догматов. Дикий самодержавно-крепостнический режим царской России обусловил то, что единственным центром легальной народнической мысли был толстый журнал, а журнал этот отнюдь не был монолитным до конца. Между Михайловским 70-х годов, с одной стороны, и такими «унылыми элементами»²² (выражение Щедрина) «Отечественных Записок», как Воронцов и Южаков, существовала все же настолько значительная разница, что Щедрин мог, до известного момента и до известной степени, не замечать того, что объединяло Михайловского с Воронцовым, а с другой, — отделяло и Михайловского, и Воронцова от него самого. Сотрудничество Щедрина в «Отечественных Записках» — это сотрудничество художника-реалиста с публицистами-романтиками, при чем романтические элементы у этих публицистов проявлялись в разной степени и дозе. Но такое сотрудничество — не просто исторический каприз. Обстановка была такова, что идейное отличие этого художника-реалиста от публицистов-романтиков до поры до времени не перерастало в явный конфликт. Здесь очень большое значение имела различная тематика работы Щедрина, с одной стороны, работы Михайловского и более мелких народнических публицистов — с другой. Доминирующая тема Щедрина — это бюрократия, помещики, хищники, буржуа, пенкоснимательская интеллигенция, идеологи этого хищничества. А публицисты-народники меньше всего говорили именно об этих социальных группах. Боясь капитализма, они по мере сил и возможности замалчивали его, «отговаривались»²³ — по выражению Ленина — от него. Пытаясь задачу возрождения общины возложить на государство, народники — в отличие от Щедрина — недостаточно вскрывали теснейшую связь бюрократии самодержавия с эксплуатирующими классами. Народническая публицистика была социологически мало конкретна, нередко она обнаруживала плохое знание действительности. Публицистика эта принимала форму или литературно-философских обзоров и фельетонов Михайловского, или экономических статей Воронцова и других. Схоластическая отвлеченность мысли, привыкшей к литературным иллюзиям и к экономическому романтизму, в значительной степени господствовала в народнической публицистике. В этом смысле публицистика эта противостояла поразительным по своей социологической конкретности художественным произведениям Щедрина.

Все же, в данной обстановке, противоположность эта не вела к конфликту откровенному и резкому. Это тем более любопытно, что ведь Щедрин был писателем, вводившим в свои произведения целые куски философско-публицистических рассуждений, писателем, отнюдь не боявшимся отвлеченных понятий. Одна из самых замечательных черт творчества Щедрина — это умение дать художественный эквивалент публицистических понятий, умение показать какое-нибудь газетное выражение, какую-нибудь ходячую фразу в таком бытовом и психологическом окружении, с такими бытовыми и психологическими оттенками, что понятие становилось художественным образом, как бы персонажем данного произведения. Эти своеобразнейшие художественные образы оказывались вместе с тем частями целой системы специфически щедринской политико-социальной терминологии. Термины эти (например «жрать», «сосать», «пенки снимать») выросли из быта, но это отнюдь не ослабляло их политическую заостренность. Сила и мастерство Щедрина-художника сказывались в том, что он вросшим в быт и, казалось, мало подвижным и стертым понятиям придавал политическое и художественное звучание и громадную идеологическую стремительность. Быт здесь не затемнял и не размягчал политику, а наоборот ново-созданные щедринские понятия приобретали бытовую массивность и массовость. Щедрин умел находить такие соответствия между русской политикой и русским бытом, которые делали эту политическую, художественно выраженную терминологию социологически полноценной, точней, колоритной, резкой, разоблачающей, прямо бьющей в цель. А политическая

РИСУНОК А. РЫБНИКОВА
К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»,
ГРАВИРОВАННЫЙ НА ДЕРЕВЕ
И. ПАВЛОВЫМ, 1926 г.

терминология народнических теоретиков обладала многими обратными качествами. Это была терминология отвлеченная, сглаженная, туманная, полная оговорок и увеливаний. Так получалось, что Щедрин, с одной стороны, народнические теоретики, с другой, говорили во многих случаях на разных языках, да и очень часто о разных вещах. Щедрин писал о хищничестве как о факте несомненном, бесспорном, все более доминирующем, но его мало трогали рассуждения народнических теоретиков о том, возможен ли или невозможен капитализм в России. Салтыков писал о деревенском кулаке, но сравнительно мало интересовался народническими теориями о роли общины. Художественная конкретность щедринского мышления, сознание объективной достоверности и познавательной ценности его собственных произведений позволяли ему, не теоретику, не публицисту, лишь от случая к случаю притрагиваться к многим теоретическим утверждениям народников. А эти утверждения при более внимательном анализе несомненно вызвали бы — да, как мы сейчас увидим, и вызывали — его возражения. Можно сказать, что в данных случаях идейного размежевания многие, друг другу противоречившие теории народнических публицистов и художественные образы Щедрина еще не скрещивались.

Для того чтобы конфликт обострился непримиримо, необходимо было, чтобы центральная щедринская тема, реалистически им трактованная, тема буржуазного, преимущественно городского, хищничества и бюрократической монархии, столкнулась бы лбом с центральной народнической, романтически трактованной темой — темой крестьянской общины.

Это должно было произойти тогда, когда деревенская буржуазия, деревенское «хищничество» встало бы перед сознанием Щедрина как закономерное и массовое явление, охватывающее все большие и большие слои крестьянства, вырастающее из все большего и большего классового расслоения. Начало осознания этого социального процесса и намечается у Щедрина в 80-х годах, главным образом в «Мелочах жизни». Но в ту пору «Отечественные Записки» уже не существовали и близился конец жизни великого сатирика.

Щедрин в своих произведениях с громадной трезвостью, с большим историческим оптимизмом, с подлинным социологическим реализмом, т. е. такими качествами, которыми не обладал ни один народнический теоретик 70—80-х годов изображал господствующие классы России. Поэтому содержание просветительства Щедрина было революционно-демократическим. Эта критика была той базой, на который было возмож-

но сотрудничество Щедрина и народников. Щедрина и народников сближали сильные стороны мировоззрения последних. Зато наиболее слабые и отсталые стороны народнических взглядов, их мелкобуржуазно-утопические положительные построения, их романтические тенденции оказали на Щедрина наименьшее влияние. Сейчас мы и остановимся на ряде примеров, иллюстрирующих эти положения.

V

В «Дневнике провинциала», написанном в 1872 г., Щедрин дал классическое изображение оголтелого буржуазного хищничества 70-х годов, осатанелого ажиотажа и грюндерства, метущегося в спекулятивной горячке Петербурга, лихорадки наживы, в которой тряслись эксплуатирующие классы России. Публицистическая концовка этого произведения — далее нами цитируемая — лишь точный, идейно осознанный вывод из всей суммы созданных здесь художественных образов.

«Хищник» — вот истинный представитель нашего времени... «Хищник» проникает всюду, захватывает все места, захватывает все куски, интригует, сгорает ненавистью, подставляет ногу, стремится, спотыкается, встает и опять стремится... «Хищник» — это дикий в полном значении этого слова; это человек, у которого на языке нет другого слова, кроме глагола «отнять». Но так как кусков разбросано много и это заставляет глаза разбегаться, так как, с другой стороны, и хищников развелось не мало и строгого распределения занятий между ними не имеется, то понятно, какая масса злобы должна накопиться в этих вечно алчущих сердцах. Самое «торжество хищников» является озлобленным...

За «хищником» смиренно выступает чистенький, весь поддернутый «пенкосниматель». Это тот же «хищник», но более скромных размеров... Это тихо курлыкающий панегирист хищничества, признающий в нем единственную законную форму жизни и трепетно простирающий руку для получения подачки...

«Хищник» проводит принципы хищничества в жизни; пенкосниматель возводит его в догмат и сочиняет правило на предмет наилучшего производства хищничества...»²⁴

Такая характеристика российской буржуазности несомненно означает признание русского капитализма упадком, регрессом. В «Дневнике провинциала» нет решительно никаких указаний на то, что капитализм, буржуазность, «хищничество» являются с точки зрения общего хода исторического развития прогрессивным явлением, внутреннее развитие которого поведет к его отрицанию и преодолению. Здесь Щедрин сходится с народничеством. В передовой № 6 «Народной Воли» за 1881 г. мы читаем: «Русский буржуа остается до сих пор хищником...» Но надо сказать, что в таком восприятии русской буржуазии и русского капитализма было зерно исторической истины. Маркс писал Даниэльсону в 1879 г., указывая на ошибочность сближающего сопоставления России и Соединенных Штатов: «В Соединенных Штатах концентрация капитала и постепенная экспроприация масс представляют не только орудие, но и естественное порождение (хотя и ускоренное искусственно междоусобной войной) неслыханно быстрого промышленного развития земельного прогресса и проч.; Россия же напоминает нам скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка или вернее фасад общественного здания (хотя все же имевший под собою гораздо более прочный фундамент, чем в России) представлял собой что-то вроде сатиры над отсталым, неподвижным состоянием главной отрасли производства (земледелия) и над голоданием производителей»²⁵.

А ведь именно в сатире Щедрина хищнически буржуазный фасад России дан, как издевка, как сатира над «массой», над человеком, питающимся лебедой, над «меньшим братом». Буржуазное развитие России обладало в 70—80-х годах уродливейшими чертами, вызванными в первую очередь сожительством приспособлявавшихся друг к другу крепостничества и капитализма, сожительством, выражаясь щедринскими терминами, «ветхого человека» и «ветхого нового человека»²⁶. Поэтому восприятие этого развития в 70-х годах только как хищничества находит себе известное историческое оправдание.

При этом надо иметь в виду, что Щедрин говорил о «хищничестве» как о совершенно конкретном явлении, отнюдь не теоретизируя, отнюдь не приходя к отчетливо выраженным выводам о судьбах русского капитализма вообще.

Но если Щедрин и народники давали аналогичную оценку русского капитализма 70-х годов в данном его виде, то они решительно расходились между собой тогда, когда вставал вопрос о степени, которой достигло развитие русской буржуазии. Здесь-то Щедрин оказывается несравненно реалистичнее народников. Бичуя хищничество, он отнюдь не «отговаривается» от него, он отнюдь не закрывает глаза на все растущее его значение. Он вместе с тем отнюдь не впадает в безысходный пессимизм. Эта-то грань — и грань принципиальная — между Щедриным и народниками сказывается явно при рассмотрении полемики, разгравшейся вокруг «Дневника провинциала».

Естественно, что «Дневник» вызвал ярость либералов. Впрочем наиболее солидные из них трусливо сделали вид, что это не о них писано, хотя сатирик явно метил и в такой орган, как «Вестник Европы», говоря о прессе пенкоснимательства. Но не выдержал Буренин, будущий нововременец, а тогда сотрудник либеральных «Санкт-Петербургских Ведомостей».

Воспользовавшись тем, что «Дневник провинциала» был подписан в журнале инициалами М. М., Буренин с деланной наивностью пытался противопоставить «г. М. М.» и «первого сатирика наших печальных дней г. Салтыкова». Буренин назвал «Дневник» «юмористической статейкой». Злобясь, он писал: «М. М. старается доказать, что деятели либеральной печати... ни мало не страдают от своего положения, что им в качестве журнальных деятелей столь же приятно подвизаться в душной общественной атмосфере, как рыбам приятно и свободно плавать в воде». И надев личину гражданской скорби, Буренин изобличал «рабскую идейку» и «пошлый промах сатирика»²⁷.

Буренину в «Отечественных Записках» отвечал Михайловский. Надо сказать, что последний, параллельно с печатанием «Дневника провинциала», также ставил в публицистическом отделе журнала проблему либеральной печати. Но разрешал он ее существенно отлично от Щедрина. Михайловский не говорил о том, что либеральная печать — панегирист буржуазии, а он только указывал на то, что эта пресса находится перед опасностью оказаться в объятиях и под властью еще почти невыявившейся буржуазии. «Либеральная журналистика, — писал Михайловский, — очень благодушна, она любит народ. Она любит также свободу, просвещение. Но все это слишком общие вещи». Михайловский, столь легко выдававший либеральной печати такие векселя доверия, предсказывал далее, что «стыдливая девица», т. е. «Санкт-Петербургские Ведомости», рискует выйти замуж за буржуа. Михайловский не желал замечать при этом, что либеральная печать уже давно была наложницей буржуазии. По мнению Михайловского «интересы, рождению которых «Санкт-Петербургские Ведомости» служат, пока действительно не существуют»²⁸, ведь «у нас интересы буржуазии ничтожны», ведь «вопрос теперь в том, как обойтись без нужных людей»²⁹, т. е. буржуа.

Не удивительно поэтому, что Михайловский повел полемику с Бурениным на довольно низком уровне. Михайловский рассматривал Буренина не как типического представителя буржуазной, либеральной журналистики. Он не поставил тем самым спор на принципиальную высоту и чрезвычайно выгодную для боевого демократизма Щедрина позицию. Михайловский видел в Буренине лишь «подходящий персонал продажной литературы», он называл его «клопом» и «старым воробьем»³⁰. Михайловский не попробовал, разоблачая Буренина, целиться в более солидных и лучше замаскированных либеральных журналистов, он тщательно отделил Буренина даже от редакции «Санкт-Петербургских Ведомостей» и всячески подчеркивал «нравственный элемент» — бескорыстие последних. В итоге статьи Михайловского получалось, что Буренин только еще может «понадобиться» будущей буржуазии.

Итак, если Щедрин констатирует силу буржуазии, то Михайловский почти что отрицает ее существование, если Щедрин показывает непосредственную зависимость услужающей либеральной печати от буржуазии, то Михайловский в данном случае говорит о

любви этой печати к народу, о том, что она только находится перед опасностью стать невольным орудием буржуазии; если Щедрин выступает беспощадно, резко и откровенно, то Михайловский всякого рода оговорками и оговорочками — «пока», «почти» и т. п. — всячески снижает ценность своей критики, всячески «отговаривается» от развития русского капитализма. А у Иванова-Разумника хватает смелости утверждать, что в вышецитированных статьях Михайловского «сжато выражены основные предпосылки художественных образов Салтыкова». Так сближением Щедрина и Михайловского Иванов-Разумник маскирует идейную слабость виднейшего народнического теоретика 70—80-х годов.

Точка зрения Михайловского конечно, не случайна. Ленин писал, что «народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой нескончаемой фальшью и лицемерием болтовне о народе»³¹. Ленин также подчеркивал, в какой мере народники всегда пытались трусливо не замечать очевидные признаки и явления капиталистического развития в России.

V

Михайловский имел право сослаться на то, что Щедрин писал ему: «Я сам полагаю, что не одна случайность соединила нас с вами в одном журнале..., но и общность воззрений... Никогда у нас с вами серьезных разногласий не было...»³² Но это указание самого Щедрина отнюдь еще конечно не является достаточным доказательством того, что при относительной общности их воззрений в них не были заложены элементы разногласий, пусть пока и «несерьезных», но таких, которые имели в дальнейшем тенденцию расти.

Сам же Михайловский, говоря о своих взаимоотношениях с Щедриным, писал: «Без сомнения, не всегда и не во всем мы вполне сходились; случались разногласия, но они никогда не достигали размеров принципиального разлада. Естественно, что и в письмах нет того, поводов к чему не было в самой жизни, т. е. пререканий или даже только рассуждений о принципах. Единственный след чего-либо отдаленно подобного я нашел в письме его из деревни от 1876 года»³³. Далее Михайловский приводит лишь одну фразу из этого письма, по которой о сущности последнего судить невозможно. Ныне письмо это напечатано полностью и представляет совершенно исключительный интерес.

Письмо Щедрина написано из имения Витинево. Здесь в августе 1876 г. он получил из редакции сообщение о содержании публицистического отдела № 7 «Отечественных Записок»³⁴ (публицистический отдел часто просматривался Щедриным только в гранках, а в данном случае, во время его отпуска, составлялся повидимому и вовсе без его участия). В сообщении редакции указывалась, в частности, статья Мордовцева «На всенародную свечу». Еще не получив экземпляра номера, Щедрин пишет Михайловскому: «Могу себе вообразить, что за статья на тему о «всенародной свече». «Отечественные Записки» встали на покатошь очень сомнительную и делаются журналом, в котором чувствуется если не преобладание, то очень значительное присутствие трихин... До свидания, жму вашу руку, ту самую, которая выдвинула вперед вопрос о качественности цивилизации и тем самым уготовила для Дулебов некоторый пьедестал. А Мордовцев подслушал сие и окрился до салной свечи. Покойный Грановский еще в 40-х годах в диссертации об Винете доказал, что все Дулебы друг другу равны. И я то же думаю»³⁵.

Письмо это требует подробного комментария. Щедрин правильно, по одному названию, почуял реакционно-националистскую и поповскую сущность статьи Мордовцева. Действительно статья эта является лучшим показателем того, до чего низко могла пасть народническая редакция «Отечественных Записок». Мордовцев заявлял, что «Мы русские славянские люди презираемы одичавшей в своей quasi-цивилизированной гордости Европой». Мордовцев звал к жертвованию в пользу южных славян и писал затем: «Простой темный народ пусть в церквях услышит от своих священников то воззвание, на которое всегда охотно откликнется русский народ: «Жертвуйте.

православные, на всемирную свечу господу богу!..» Всемирная свеча, которую хочет загасить Европа, это — славянская семья, добрая, угнетенная, мягкая, словно восковая свеча, тающая от враждебного европейского дуновения. Пожертвуйте же, русские люди, на всемирную свечу!»³⁶

Отвергая статью Мордовцева как симптом неприемлемых для него тенденций в общем направлении «Отечественных Записок», как симптом присутствия «трихин», Щедрин в заключении письма, поговорив о других редакционных делах, возвращается к затронутому вопросу и прямо связывает — пусть шутливо — тенденции мордовцевской статьи с теориями Михайловского. Ход мыслей Салтыкова выражен здесь бегло благодаря эпистолярно интимной форме и требует пристального к себе внимания. Щедрин прежде всего отмечает, что Михайловский выдвинул вперед «вопрос о качественности цивилизации». Совершенно несомненно, что Щедрин имеет здесь в виду ту

РИСУНОК А. РЫБНИКОВА К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ТРАВИРОВАННЫЙ НА ДЕРЕВЕ И. ПАВЛОВЫМ, 1926 г.

теорию типов и степеней развития цивилизации, которую Михайловский в том же 1876 г. излагал на страницах «Отечественных Записок» в серии статей «Борьба за индивидуальность». Михайловский исходит здесь из того, что «я только человек, т. е. индивид в тесном смысле этого слова, а потому и сочувствовать могу только такому же индивиду и радоваться только его победе и горевать только о его поражении». Говоря на примере двух муравейников о различных степенях развития человеческого общества, Михайловский характеризует «новый муравейник», т. е. такое общество, в котором разделение труда и приспособление отдельных индивидов к этому разделению ушло далеко вперед, как «только высокую степень развития пониженного типа». И далее Михайловский писал: «С субъективной точки зрения самого муравья, выше древний муравейник, в котором разделение труда еще не произвело никакого полиморфизма (многоформенности)»³⁷. В другой, более ранней своей работе «Что такое прогресс?» Михайловский писал: «Для объективной точки зрения этого и достаточно: общество прогрессирует, хотя и давит при этом личность, заставляя ее переходить от разнородности к однородности... мы же... возьмем за центр своего исследования мыслящую, чувствующую и желающую личность... мы признаем... прогрессивным только такое движение, которое увеличивает массу наслаждений этой личности и уменьшает массу ее страданий»³⁸.

Говоря о том, что Михайловский выдвинул вперед вопрос о качественности цивилизации, Щедрин тем самым отмечал один из центральных моментов субъективистской народнической теории. Исторический пессимизм народничества, противопоставление

прогресса общества и интересов личности, индивидуалистическое стремление «поправить» исторический процесс, исходя из требований «личности», отрицание прогрессивного развития цивилизации, выпячивание вопроса о ее «качественности», — все это могло вести к реакционной ретроспективной романтике, к идеализации прошлого, к мистическому национализму, любующемуся собственной некультурностью. А историко-философские воззрения Щедрина решительным образом противоречили не только тем откровенно реакционным выводам, которые с наивной откровенностью высказал Мордовцев, но и исходным позициям Михайловского. Как то показывают публикуемые в этом же номере «Литературного Наследства» философские статьи Щедрина, последний обладал глубоким историческим оптимизмом, верил в прогрессивное развитие человеческого общества и его цивилизации и решительно отрицал философский субъективизм и романтизм.

В письме Щедрина наиболее замечательно то, что Щедрин устанавливает связь между реакционной статьей Мордовцева и философскими высказываниями Михайловского. Щедрину присуще было умение последовательно «договаривать» ту или иную, вызывавшую его полемические возражения идею, видеть, куда эта идея ведет, Щедрин имел полное право заключить, что Михайловский, выдвинув вперед вопрос о качественности цивилизации, «тем самым уготовил для Дулебов некоторый пьедестал». Дулебы — древнее славянское племя, и Щедрин использовал его название для метафорической характеристики реакционно-романтических сторон теории Михайловского. Таким способом Щедрин связывал выступления Михайловского и Мордовцева, а вместе с тем противопоставлял воззрениям Михайловского выводы такого представителя прогрессивного буржуазного «наследства», как Грановский. Последний в 1844 г. раскритиковал легенду о величественной Винете — Северной Венеции, поглощенной морем. Грановский доказывал, что существовал лишь деревянный Волин, а не мраморная Винета, и разоблачал «изящный вымысел» во имя «сухой, критикой добытой истины»³⁹, т. е. показал, как выражается Щедрин, что «все Дулебы друг другу равны»

VII

Те расхождения между Щедриным и Михайловским, которые мы обрисовали выше, были расхождениями принципиальными — по серьезнейшим философским, политическим и экономическим проблемам эпохи. Но своеобразная черта этих расхождений — их малая эффективность. Идейные столкновения эти не вели к какому-либо размежеванию, уж не говоря о тех или иных «оргвыводах». Мало того: расхождения, которые нам удалось отметить, сопоставляя «Дневник провинциала» и полемику Михайловского с Бурениным, даже повидимому не были осознаны ни Щедриным, ни тем более Михайловским.

Но тем не менее идейные коллизии эти не были случайным, преходящим явлением, как то пытается изобразить Михайловский. Это были конфликты Щедрина с народничеством, точнее с народнической теорией, при чем конфликты эти выступали тем отчетливее, чем сильнее и откровеннее типически народнические взгляды были выражены в том или ином выступлении, вызывавшем возражения Щедрина.

Михайловский был безусловно самым крупным, боевым и умным теоретиком «Отечественных Записок». В нем меньше, чем в ком-либо другом из легальных народнических теоретиков, отражались оппортунистические, националистические, традиционно-религиозные оттенки народничества. Поэтому именно с ним Щедрин был в более близких отношениях, чем с кем-либо другим из публицистов круга «Отечественных Записок». Если свое несогласие с Михайловским Щедрин облакал в шутивную форму, то Воронцова и Южакова он просто презирал и резко критиковал Елисеева, Златовратского, а порой и Глеба Успенского.

Златовратский ощущался в 70—80-х годах как один из самых «ортодоксальных» народнических писателей. Златовратский и был таковым, наиболее отчетливо из всех народнических беллетристов отражая как «пышные фразы», так и «убогие компромиссы»⁴⁰ народничества. Златовратский воспринимался даже как антагонист несравненно

более скептическому Успенскому⁴¹. Для оценки Щедриным Златовратского достаточно следующая цитата из письма последнего к Михайловскому. «Златовратский... об «Отечественных Записках» и слышать не хочет, а ополчается против Успенского и хочет последнего раздавить. Аника воин. Я всегда подозревал, что он зол и упорен, но теперь и еще качество открывается: глупость. Должно быть я его очень рассердил, написав ему, что его статья напоминает трактирные беседы благомысленных бахвалов, переливающих из пустого в порожнее насчет мужицкой «правоты», которую он, Златовратский, никак найти не может»⁴².

Елисеев был одним из самых ранних русских народников. Еще в 60-х годах в «Веке» он выступал со статьями, показывавшими, что в нем следует видеть предтечу позднейшего оппортунистического и романтического народничества⁴³. Щедрин писал в 1880 г. Михайловскому: «Прочтите Внутреннее Обзорение в июньской книжке. Елисеев доказывает, как нужно устроить духовенство, согласно с истинным духом православия. Я впрочем получил обещание, что дальнейшего развития этому вопросу, а равно и вопросу о том, как повелевает святая церковь насчет постов,—не будет. А ежели будет, то легко может случиться, что я совсем выйду из журнала. Вообще личные объяснения и полемика на тонкой деликатности начинают мне претить»⁴⁴. Высказывание это чрезвычайно существенно. Оно показывает, что в практике «Отечественных Записок» имели место «личные объяснения и полемика на тонкой деликатности». Не приходится сомневаться в том, что такие методы идейной борьбы были не по нутру Щедрину. Оказывается, что «елисеевские» тенденции «Отечественных Записок» составляли великого сатирика подумывать об уходе из журнала. И было из-за чего. Елисеев в указанном обзоре мечтал о «близких, сердечных отношениях между духовенством и народом». Он взывал к государству, уговаривая его приблизить духовенство к народу: «Пусть государство уничтожит духовенство как касту, пусть уничтожит духовные школы — низшие и средние — и предоставит, как было в древнее время, самому обществу приискание священников для себя, где и как оно знает». Только такое «устройство» духовенства казалось Елисееву «согласным с православным учением о церкви»⁴⁵.

Такой убогий компромисс с государством и церковью отнюдь не был случаен для Елисеева. Чрезвычайно показательно для характеристики легального народничества 70—80-х годов, что Елисеев, бывший профессор духовной академии, отнюдь не считал необходимым так решительно порывать со своим идейным прошлым, как то сделал Щедрин, бывший бюрократ. Когда в 70-х годах одна реакционная газета напомнила Елисееву об его богословских литературных работах, он отвечал: «С летами должно было более или менее видоизмениться мое теоретическое религиозное миросозерцание, но нравственное миросозерцание осталось то же самое: моральные истины, которым я учил в проповедях, которые имел в виду или излагал в своих лекциях студентам... — те же самые истины, что я излагаю и имею в виду и в моих внутренних обзрениях»⁴⁶.

Семинарски-елейное, грубо идеализирующее мужика народничество Елисеева должно было встретить отпор Щедрина. К сожалению неизвестны ответные письма Михайловского. Не приходится сомневаться в том, что Михайловский выступал перед Щедриным защитником остальной народнической братии. Недаром же Щедрин считал Воронцова «унылым элементом», а Михайловский писал об «интересных статьях В. В.»⁴⁷. А что касается оценки Михайловским религиозных тенденций Елисеева, то следует иметь в виду, что позже, в своей полемике с русскими декадентами, Михайловский так определял сущность религии, рекомендуя «не смущаться теми грубыми формами, под которыми скрывается иногда религия»: «Та сила, которая направляет нашу волю к действию в соответствии с идеалом, построенным совокупным трудом разума и чувства,—эта сила и составляет сущность всякой религии»⁴⁸.

Насколько народники, особенно правые, далеко отходили от боевого демократизма Щедрина, наглядно показывает одно полемическое выступление гайдебуровской «Недели», на котором мы сейчас и остановимся.

РИСУНОК А. РЫБНИКОВА
К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»,
ГРАВИРОВАННЫЙ НА ДЕРЕВЕ
И. ПАВЛОВЫМ, 1928 г.

В «Пошехонском деле», напечатанном в последней книжке «Отечественных Записок» за 1883 г., Щедрин дал чрезвычайно глубокое и многозначительное противопоставление «дела» и «фразы». Щедрин с самого раннего детства был окружен отвратительным «делом» крепостнической России, как глухой стеной. Очень рано Щедрин осознал необходимость противопоставить «делу» «ветхого человека» другую, ведущую к лучшему будущему практику. Щедрин напряженно искал такую практику, искал массу, могущую изменить действительность. Но трагедия Щедрина заключалась в том, что и в 40-х, и в 60-х, и в 70—80-х годах Россия не знала побеждающей массовой, революционной практики. От практики же «Народной воли» Щедрин был далек — да притом это была практика не массы, а сравнительно немногих «новых людей», героев. Дикая крепостническая реакция 80-х годов еще больше должна была разуверить Щедрина в возможности в данных условиях существования подлинного, достойного человека дела. В своем вышеуказанном рассказе, в котором под пером сатирика «дело» и «фраза» становились живыми существами, действующими и в плоскости русской политической мысли, и в плоскости русского быта, Щедрин писал: «В периоды состязаний вопрос ставится так: одни видят высшую задачу человеческой деятельности в содействии к разрешению вопросов всестороннего человеческого развития и эту задачу называют «делом»; другие, напротив, не признавая неизбежности человеческого развития, ту же самую задачу называют мечтанием, фразой. В периоды чревоуещаний ряды защитников высших задач постепенно редуют... напротив того, чревоуещатели смело выступают вперед... «Прочь мечтания; за дело пора, за дело!» раздается по всей линии. Но какое же это «дело», к которому так страстно несутся все сердца? А вот какое: упразднение человеческой мысли, доведение человеческой речи до степени бормотания — только и всего». «Дело» крепостнической и хищнической России и было для Щедрина не настоящим человеческим делом, а бормотанием, бредом, призраком, фразой.

В другом месте своего рассказа Щедрин так определял сущность стремления к «делу». «Домогаются того, чтобы все шили сапоги, все носили на голове тяжести, все твердили: купить — продать, продать — купить»⁴⁹.

В этом своем выступлении и в частности в портрете Клубкова, дворянина, ставшего деревенским чумазым, Щедрин великолепно вскрывает буржуазную сущность народнической теории «малых дел». Он показывает, как романтическая народническая фраза маскирует собственника и мелкого буржуа. Естественно, что «Пошехонское дело» вызвало критику «Недели», этого органа правого фланга народничества. Излагая рассказ, отмечая, что у Клубкова «поля в порядке и приносят доход, имение увеличилось», «Неделя» писала: «Чорт возьми, да это почти Энгельгардт, автор «Писем из деревни!» восклицает читатель. Так бы оно и было, отвечу я, так оно пожалуй и есть, но не по г. Щедрину. По г. Щедрину Клубков — кулак, ростовщик, общественная язва». И далее, отговариваясь от буржуазности Клубкова и ему подобных, рекомендует читателю приобрести «энергию и уместность Клубкова», кивая на то, что «специальность г. Щедрина — мрачные стороны жизни», «Неделя» заключала: «Я желаю читателю, вопреки грозному авторитету Щедрина, «меньше мечтаний, меньше фраз и побольше дела»⁵⁰.

В этой критике, классовый смысл которой совершенно ясен, очень любопытно сопоставление Клубкова и Энгельгардта.

А. Н. Энгельгардт, автор известных «Писем из деревни», характеристику, которых Ленин дал в «От какого наследства мы отказываемся», начал эту свою работу по инициативе Щедрина. Рекомендую Энгельгардту писать деревенские очерки, Щедрин очертил задачу, вставившую перед его корреспондентом. «Привести в ясность, каким образом живет это пустое место, имеет свои нравы и обычаи, свою бытовую жизнь и не имеет разумных данных, которые могли бы питать эту жизнь, давать ей элементы, возможности развития, чрезвычайно важно, хотя, быть может, деятельность такого рода носит исключительно отрицательный характер»⁵¹. Эта формулировка достаточно показывает, насколько Щедрин был далек от какой бы то ни было народнической идеализации крестьянства. Характерно также, что он в качестве образца послал Энгельгардту ту самую книгу Скалдина, которую Ленин охарактеризовал как типический документ русского просветительства. Но в очерках Энгельгардта народнические влияния сказались несравненно отчетливее и резче, чем в творчестве Щедрина. Реалистически рассказанную историю своего хозяйства Энгельгардт использовал для народнических выводов, утверждая возможность существования прогрессивного небуржуазного хозяйства в деревне. Энгельгардт один из своих очерков 1878 г. заканчивал так: «В настоящее время хозяйство сельской жизни, от которой убежал наш интеллигентный класс, вновь начинает привлекать людей, людей молодых, новых. Да позволено будет мне, старику, дать совет идущим в хозяйство молодым людям: если вы не хотите остаться не у дел, то непременно научитесь работать — пахать, косить, молотить; выработайте себе руки, ноги, глаза, уши...»⁵². «Убежище Монрепо» Щедрина и было, в значительной мере, направлено против этих интеллигентски-народнических выводов. Такую полемическую заостренность этого произведения Щедрина наивно отметил Иванов-Разумник, не понимая того, что правильное замечание это бьет по его собственной концепции Щедрина-народника. Действительно, «Убежище Монрепо» развенчивает всякие интеллигентские иллюзии о деревне. Но в этом произведении Щедрина сатирическое разоблачение касается только одной стороны, проблемы: интеллигент оказывается в деревне жалким и беспомощным перед реальными нуждами крестьянства, перед эксплуатацией деревенских кулаков, перед произволом деревенской полиции. Обратную же сторону медали Щедрин показывает в «Пошехонском деле»: акклиматизировавшийся в деревне горожанин, научившийся вести свое хозяйство, оказывается не идиллическим энтузиастом, вносящим в сельскую жизнь новые принципы и новые веяния, а хищным эксплуататором, интеллигентской разновидностью Колупаевых и Разуваевых.

VIII

Щедрин глубоко уважал Глеба Успенского как крупного, серьезно мыслящего художника. И тем не менее он порой критиковал его резко. Эта критика вызывалась не

случайными поводами, а наиболее слабыми, реакционно-народническими сторонами мировоззрения и творчества Успенского. В письме от 11 ноября 1880 г. Щедрин писал Успенскому: «Статья ваша произвела на меня тяжелое впечатление и я серьезно начинаю думать, что вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова... Я до крайности уважаю вашу литературную деятельность и мне крайне прискорбно, что могут существовать недоумения. Главное: вы сетуете на то, что по вашим же словам неизбежно. Следовательно, эти сетования по малой мере бесплодны»⁵³. Эти замечания формулируют, в сущности, коренную разницу между Щедриным и народниками, в частности между Щедриным и Успенским. Большинство народников вовсе отговаривалось от «неизбежного» — от капиталистического развития России. Успенский умел отмечать признаки этого неизбежного, но все же сетовал на них. Щедрин воспринимал буржуазное развитие России как явление отрицательного порядка, но не сетовал на него и никогда не поддавался реакционно-романтическим иллюзиям. А в той статье, о которой шла речь в письме Щедрина, в одном из очерков серии «На родной ниве», Успенский говорил об «удушливой области интересов русского образованного, немужичьего человечества». А затем сетовал на «коренное расстройство деревенских порядков»⁵⁴, на то, что в деревенском мире проявляются хищнические, кулацкие интересы, сказывающиеся даже при распределении пособий голодающим.

Щедрин не случайно упомянул в своем письме идеалы Достоевского. В том же году, на несколько месяцев ранее, Щедрин писал Михайловскому по поводу статьи Успенского о пушкинских празднествах: «Успенский не додумался до того, что и Достоевский и Тургенев надувают публику и эскамотируют пушкинский праздник в свою пользу»⁵⁵.

Действительно в статье Успенского наряду с резкой и остроумной критикой обывательски-либерального празднословия, юбилейной шумихи и бестолковщины чувствовалась явно примиренческие ноты, особенно по отношению к замаскированно-реакционной речи Достоевского. Успенский сочувственно излагал слова Достоевского о том, что «русский человек, которому предопределено наполнять свое существование только страданием за чужое горе, тосковать только потому, что тоскует другой мой ближний, внесет, в конце концов, в человеческую семью умиротворение, успокоение, оживляющую и веселящую простоту смирения». Успенский уверял, что «слова эти могли произвести впечатление именно только на молодежь и на тех из остепенившихся и осолдневших представителей ее в недавнем прошлом, которые живо чувствуют еще пережитое ими, потому что ни одно поколение русских людей никогда, во все продолжение тысячелетней русской жизни, не находилось в таком трудном, мучительном, безвыходном состоянии...»⁵⁶

Щедрин в вышецитированном письме рекомендовал Михайловскому исправить ошибку Успенского и выступить со статьей в следующем номере журнала. Михайловский так и сделал, но его выступление показывает отчетливо, насколько он уступал Щедрину в боевом демократизме, политической проницательности, идейной непримиримости. Можно сказать, что Михайловский буквально последовал за указанием Щедрина, но в этом буквальном исполнении не было щедринского духа. Михайловский указал на то, что и Тургенев, и Достоевский своими выступлениями стремились «производить по своему делу шум», т. е. «всенародно молиться своему богу». Но при этом Михайловский ограничился тем, что указал на «влияние и противоречивость»⁵⁷ мысли Достоевского и сослался притом на ту критику Успенского, которую Щедрин признавал явно недостаточной и даже по существу ошибочной. Нам уже выше приходилось указывать на то, что вообще литературные иллюзии (мы употребляем этот последний термин в том смысле, в каком мы его встречаем в «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса) довели над народнической теорией. Михайловский, кое в чем поправив Успенского, остался все же всем своим ходом мыслей в плоскости чисто литературной. Он не показал, что теории Достоевского означают в реальной жизненной практике. Верно, что Щедрин был только писателем, а не практиком. Но Щедрина загнала в литературу, и только в литературу, практика торжествующей реакции. Щедрин со

страшной горечью и болью ощущал эту свою оторванность от непосредственной переделки действительности. Но глубоко страдая, он возмещал эту оторванность величайшей жизненностью своего творчества. В «За рубежом» «новое слово» Достоевского сатирически переносится из области литературных фраз в гущу живых типических людей и насущнейших вопросов социально-политической жизни. Щедрин издевается над указанием Достоевского, что русскому человеку суждено «указать исход европейской тоске в своей русской душе всечеловеческой и всеобъединяющей»⁵⁸.

Щедрин писал: «Самая «тоска» — разве это не «новое слово» для западного человека? Западный человек может негодовать, ожесточаться, настаивать, но «тосковать» он положительно не умеет. Ни англичанин, ни француз, ни немец не сделают из тоски постоянного занятия и тем менее не будут хвалиться, что вот, дескать, мы страдаем «благородной» тоской. Ибо даже наибогороднейшая тоска — и та представляет собой нечто несознанное, безвыходное, свойственное лишь бессильным и недоумевающим людям... Чтoб сознать себя воистину человеком... нужно начать борьбу. А где же взять сил для борьбы?.. Остается один выход: благородным образом тосковать»⁵⁹.

Достоевский стремился придать тоске по правде, тоске, по его мнению, находящей разрешение в глубинах русской души, героический характер. В взволнованных словах он поднял это «новое слово» на высокий пьедестал. Он сумел заразить своим настроением и таких искренних демократов, как Глеб Успенский. Объективно же выступление Достоевского было реакционной идеализацией мелкобуржуазной пассивности и покорности, прикрывающихся обманчивой фразеологией «внутреннего» стремления к правде. Но не случайно этим фразам поддался до известной степени Успенский. Достоевский умело апеллировал к склонности народнической интеллигенции увлекаться романтическими иллюзиями. Этому соблазну был безусловно чужд Щедрин. В его изображении тоска «российского скитальца» спускается на землю, она разоблачается, становится «тихонькой» и «благородной», раскрываются ее социальные корни, она оказывается выражением жалкого бессилия.

Я останавлиюсь в следующем разделе статьи на вопросе о том, как Щедрин, с одной стороны, теоретики народничества и Михайловский в частности — с другой, относились к «борьбе», о которой Щедрин говорил в вышеприведенной цитате, т. е. к революционной практике эпохи. Сейчас же мы укажем еще только на резкое расхождение, заключающееся между одним заявлением Щедрина в «За рубежом», и одновременным утверждением Михайловского.

В «За рубежом» Щедрин прямо ставит вопрос о том, «что такое современная русская община и кого она наипаче обеспечивает, общинников или Колупаевых»⁶⁰, при чем весь материал сопоставлений и рассуждений, в окружении которых этот вопрос поставлен, ясно показывает, что ответ на него последует в пользу Колупаевых. Иванов-Разумник же в комментариях к «За рубежом» пытается утверждать, что «все эти темы и в совершенно таком же направлении развивал Михайловский»⁶¹. Иванов-Разумник трудился над созданием опошляющей легенды о Щедрина-народнике и идеализирующей легенды о Михайловском как о представителе «критического народничества», якобы принципиально отличного от просто народничества.

Но документы опровергают Иванова-Разумника. В той самой статье, на которую он ссылается (первое письмо Гроньяра в «Народной Воле»), Михайловский вновь ставит перед революционерами основной для него вопрос: «Задержали ли вы развитие буржуазии»⁶², т. е. закрывает тем самым глаза на тут же им отмеченный и неоспоримый рост капитализма.

В рецензии же на книгу Воронцова в № 7 «Отечественных Записок» за 1883 г. Михайловский, говоря о «невозможности нашего капитализма», ограничивается признанием, что «эта невозможность далеко не абсолютная, и может быть даже не совсем правильно называть ее невозможностью»⁶³, т. е. спасается в оговорках, в полоничатых и бесплодных уступках.

В противовес же Михайловскому Щедрин в 1886 г. в «Мелочах жизни» приходит к выводу: «Сдается, что придется еще пережить эпоху чумаковского торжества, чтобы

понять всю глубину обступившего массы злосчастья»⁶⁴. А так как с точки зрения Щедрина-просветителя раскрытие «глубины обступившего массы злосчастья» есть признак того, что «человеческое сознание вступит в свои права», мы имеем право усматривать здесь понимание того, что «торжество чумазого» есть тяжелый, но неизбежный и преходящий этап в пути к лучшему будущему. В «Мелочах жизни» чумазый, проникший, по выражению Щедрина, в сердце деревни, оказывается чем-то гораздо более значительным и, главное, закономерным, чем хищник и хищничество, ранее изображенные сатириком.

IX

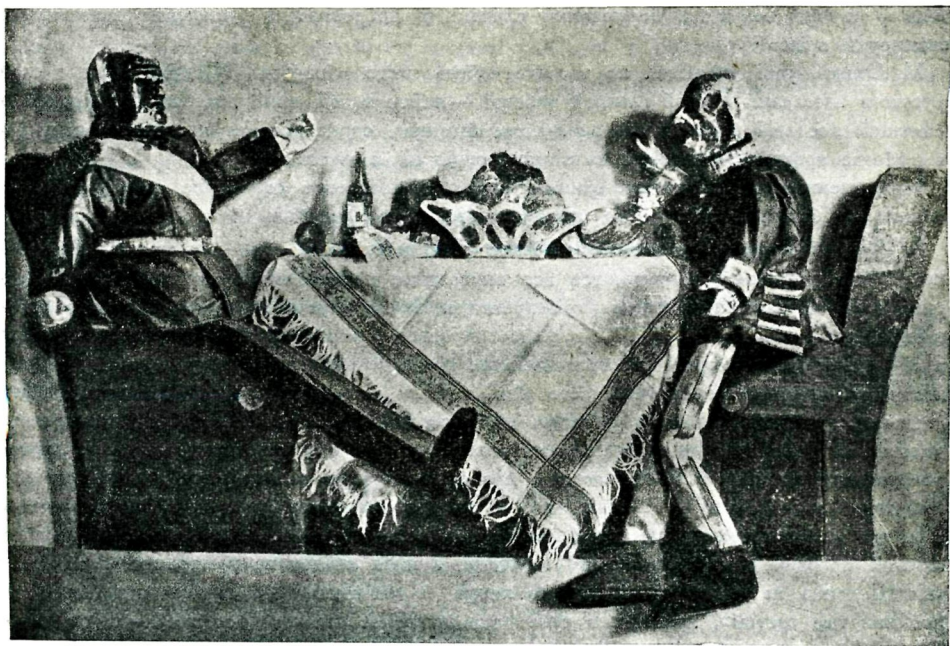
Вопрос об отношении Салтыкова к революционной практике 70—80-х годов может быть разрешен только на основе ясного понимания особенностей революционного движения тех лет, с точки зрения соотношения в нем теории и практики. От 60-х годов до российской социал-демократии, от Чернышевского до Ленина, тянется период отрыва теории от революционной практики. Конечно в эпоху Чернышевского можно говорить лишь о зачатках революционных организаций, но сама жизнь великого революционера была демонстрацией величайшего единства революционной теории и революционной практики. Недаром Ленин, так высоко ставивший Чернышевского-мыслителя, подчеркивал громадное значение деятельности и самой гибели Чернышевского для дальнейших судеб русской революции⁶⁵.

А после Чернышевского развитие революционной практики шло иными путями, чем эволюция теории. Практики (землевольцы и народовольцы) пошли вперед и создали, по словам Ленина, «превосходную организацию... которая нам всем должна была бы служить образцом», при чем однако «ошибка их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией»⁶⁶. В это же самое время народнические теоретики шли назад от Чернышевского и разрабатывали, например в лице Михайловского, романтическую, субъективистскую и эклектическую систему взглядов.

Ленин, говоря о «старом» народничестве, разъяснял: «Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, например, «Отечественные Записки», а тех именно, кто «шел в народ»⁶⁷. Ленин таким образом подчеркнуто отделял легальных народнических публицистов от революционеров-практиков. И делал это Ленин, исходя не из презрительного отношения к теории и теоретикам вообще, а лишь на основе низкой оценки этой теории и этих теоретиков. Последних Ленин называл «наивными исследователями», характеризуя в то же время практиков революционного народничества как «энергичнейших и талантливых работников»⁶⁸. Историческая действительность подтверждает эти ленинские оценки. Михайловский, как о том рассказывают народовольцы. Н. Морозов и В. Фигнер, не был в состоянии написать для подпольной печати программную статью по земельному вопросу. Пробуя свои силы в этом направлении, он дошел до геркулесовых столбов социологической наивности, закончив статью словами, вызвавшими смех подпольной редакции: «садись на землю, и земля твоя»⁶⁹. Естественно, что Фигнер, в противовес Колосову⁷⁰, определяет Михайловского не как идейного вождя народничества, а как «зрителя в стороне», как человека, неспособного вдохновить революционеров, а наоборот вдохновляющегося их революционными выступлениями⁷¹. Даже самый тон писем Гроньяра-Михайловского в подпольной народовольческой литературе подтверждает характеристику Фигнер; так выступает и пишет не вождь, не руководитель подпольной революционной партии, а зритель издалика, наблюдатель со стороны, не глава и даже не член партии, а сочувствующий ей легальный публицист.

Вместе с тем в выступлениях этого легального публициста на страницах подпольной печати легко заметны нотки оппортунистического неверия.

Народническая теория, выражавшая наиболее слабые мелкобуржуазные стороны социальной практики демократии, была слаба, наивна и ограничена, она тешилась иллюзиями субъективизма и романтической оценки крестьянства. Теория эта в лице

«ДВА ГЕНЕРАЛА»

Эпизод из инсценированной сказки Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил»
в Кукольном театре М. Я. и И. С. Ефимовых

Куклы работы И. Ефимова

Москва, 1919 г.

Михайловского не искала новых путей, не ощущала свою несостоятельность, не видела своего отставания от практики, а довольствовалась философским эклектизмом и дешевым оптимизмом оборотной стороной исторического пессимизма Щедрина. Не то мы видим у Щедрина. Именно потому, что он остался верен традициям Чернышевского, именно потому, что он обладал трезвым и реалистическим мировоззрением, Щедрин остро ощущал разрыв между мыслью и делом, между теорией и практикой, между «Отечественными Записками» и революционным движением, между своим творчеством и «фактами самоотвержения», т. е. героической деятельностью народолюбцев. Ощущение этого разрыва выражалось у Щедрина в напряженном стремлении сделать свое творчество непосредственно действенным, организующим «среднего человека», наглядно изменяющим действительность, и вместе с тем в остром сознании невозможности достигнуть этой цели. Попытки Колосова изобразить Михайловского вождем народолюбчества и попытки Иванова-Разумника поставить Михайловского в один ряд с Чернышевским и Щедриным — явления одного и того же порядка. Эта попытка современных эпигонов народничества оправдать собственные теоретические позиции. Это — фальсификация истории, стремящаяся подкрепить народническую теорию авторитетом революционного наследия прошлого, наследия не ей принадлежащего.

Щедрин писал в «Мелочах жизни»: «Поэт в справедливом сознании светозарности совершаемого им подвига мысли имел полное право воскликнуть, что он глаголом жжет сердца людей; но при данных условиях слова эти были только отвеченной истиной, близкой к самообольщению. Когда окрест царит глубокая ночь... тогда не может быть места для торжества живого слова. Сердца горят, но огонь их не проникает сквозь густоту мрака; сердца бьются, но бияния их не слышно сквозь толщу желез. До тех пор, пока не установилось прямого общения между читателем и писателем, последний не может считать себя исполнившим свое призвание. Могучий — он бессилён; власти-

тель — он раб безумных бормотаний случайных добровольцев, успевших захватить в свои руки ярмо»⁷².

М. Ольминский указывал на то, что «очень часто обозревал Щедрин разные слои русского населения с этой главной заботой — найти такой слой, достаточно широкий и сильный, который боролся бы за лучшее будущее, стремился бы к сознательности, к выработке крепких убеждений и к проведению их в жизнь»⁷³.

Напряженные и бесплодные поиски массы, мучительное ощущение своего одиночества и его безысходности — вот что характерно для Щедрина.

В образе «среднего человека», особенно ярко и глубоко обрисованного в последней главе «За рубежом», выражаются все внутренние противоречия мировоззрения Щедрина в его отношении к социальной практике. Образ «среднего человека», этого «действительного» объекта истории», отражает трезвое реалистическое стремление найти массу, могущую изменить действительность. Но надежды на среднего человека, в сущности на среднего демократического интеллигента, вступали в противоречие с наблюдаемыми в действительности фактами его бессилия. Факты показывали, что средний человек «с одной стороны обязывается завоевывать для истории утешения, а с другой погружается во тьму и примиряется с проказой», что он подвергается «смертному бою лживой современности»⁷⁴. Надежды на среднего человека вступали в противоречие с тем, что «самоотверженность не в нравах среднего человека», что он «ищет не абсолютной правды, а возможной» и «в случае нужды пойдет на компромисс». Вместе с тем Щедрин не мог «утешить» до конца и «личности исключительные, насквозь проникнутые светом», носящие в себе «зигждительное начало истории», — герои революции. Они казались ему слишком невосприимчивыми к «уколам неумолимой действительности» и слишком «подавленными идеалами будущего», самому Щедрину нехватало революционной страсти и веры.

Так вступали в противоречие «средний человек» и «герой», стремление найти еще несуществовавшую революционную массу и деятельность немногих героических революционеров, в работе которых Щедрин не умел видеть зачатки будущей революционной организации, способной к возглавлению масс; так вступали в противоречие надежды на массу и отсутствие массового революционного движения, надежды на «исключительные личности» и незначительность их непосредственных успехов, оптимизм, базирующийся на «исторических утешениях», и горькая действительность.

Эти противоречия, в данной исторической обстановке, к концу 80-х годов, могли быть разрешены только массовым революционным рабочим движением, до которого Щедрин не дожил, и марксизмом, которого Щедрин не знал, в их неразрывном единстве революционной практики и подлинно революционной теории. Только на этой базе можно было найти революционную массу, возглавить ее революционной организацией, «героями», сделать практику материалом для «исторических утешений», увидеть активно изменяющего действительность «среднего человека», слить «мысль» и «дело».

Примирить эти противоречия Щедрину не было дано, но ощущение и отражение их в его творчестве является мерой значения последнего для революционной практики эпохи. Отражение этих противоречий Щедриным является показателем того, насколько по своему теоретическому уровню и следовательно по практической эффективности художественная работа Щедрина стояла выше публицистики Михайловского.

Революционно-демократическая направленность мировоззрения и творчества Щедрина обусловила его совместную работу с теоретиками народничества, в первую очередь с Михайловским. Правда, что Михайловский в отличие от Щедрина стремился непосредственно помочь подполью. Но уступая Михайловскому в осознанной мелкобуржуазной революционности, Щедрин обладал глубоким и трезвым оптимизмом просветителя и не нуждался в народнических романтических иллюзиях. Влияние народничества на Щедрина сказалось главным образом в признании русского капитализма отрицательным, регрессивным явлением. В остальном мировоззрение Щедрина находилось в резком противоречии с народнической теорией. Щедрин был враждебен философскому субъективизму и социологическому романтизму народников, он никогда не уверял, что

в России нет почвы для капитализма, он никогда не апеллировал к государству, а показывал его тесную связь с эксплуатирующими классами и никогда не идеализировал общину, он гораздо лучше народников понимал и видел классовые зависимости и связи различных групп русской интеллигенции.

Признание русского капитализма регрессом, хищничеством было для Щедрина той базой, которая позволила ему беспощадно выступить не только против русского крепостничества, но и против русской буржуазии. В остальном Щедрин оставался верен наследству русских и западноевропейских просветителей, их социологическому реализму, их трезвому, широкому и суровому взгляду в вопросах политики, экономики, философии. Совершенно правильна формулировка М. Ольминского: «Во многих вопросах Щедрин только поневоле мирился с народничеством»⁷⁵. Мы выше привели материал, показывающий, что по ряду серьезнейших принципиальных вопросов Щедрин вступал в конфликт с народнической теорией и ее представителями. Правда, как мы уже указывали, конфликты эти не приводили к идейному размежеванию. Но такова была обстановка идейной борьбы в России той эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Утевский, Л. С., Жизнь Гончарова. Изд. «Федерация», стр. 210.
- ² Ленин, Письма Толстого и к Толстому. ГИЗ, 1928, стр. 303.
- ³ Леонтьев, К., О романах графа Л. Н. Толстого. М., 1911, стр. 113.
- ⁴ Цитирую по книге К. Арсеньева «М. Е. Салтыков-Щедрин». СПб., 1906, стр. 232.
- ⁵ Ленин, Еще один поход на демократию. 1-е изд. соч., т. XII, ч. I, стр. 394.
- ⁶ «Русская Мысль» 1913, № 5, стр. 143.
- ⁷ «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 284.
- ⁸ «Заветы» 1914, № 4, стр. 16.
- ⁹ Иванов-Разумник, М. Е. Салтыков-Щедрин. Изд. «Федерация», 1930, стр. 148.
- ¹⁰ Сочинения Щедрина. ГИЗ, 1927, т. IV, стр. 649.
- ¹¹ Ленин, От какого наследства мы отказываемся. 1-е изд. соч., т. II, стр. 328.
- ¹² Там же, стр. 330.
- ¹³ Там же, стр. 338—339.
- ¹⁴ Там же, стр. 331.
- ¹⁵ Там же, стр. 338.
- ¹⁶ «Вестник Европы» 1884, № 2, стр. 711, 730.
- ¹⁷ Шелгунов, Н. В., Воспоминания. ГИЗ, 1923, стр. 280.
- ¹⁸ Ткачев, П. Н., Сочинения, т. IV. Изд. «Общества Политкаторжан», стр. 5.
- ¹⁹ «Литература партии «Народная воля». Изд. «Общества Политкаторжан». М., 1930, стр. 49.
- ²⁰ Юзов, Основы народничества. СПб., 1882, стр. 303.
- ²¹ См. например «О народничестве г. В. В.» в «Литературные воспоминания и современная смута» (т. II, гл. VI).
- ²² «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 244.
- ²³ Ленин, От какого наследства мы отказываемся. 1-е изд. соч., т. II, стр. 335.
- ²⁴ Сочинения. ГИЗ, 1927, т. III, стр. 262—263.
- ²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма. Соцгиз, 1931, стр. 315.
- ²⁶ «Дневник провинциала». Сочинения. ГИЗ, 1927, т. III, стр. 262.
- ²⁷ Цитирую по «Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. 2-й. М., 1905, стр. 119, 120, 124.
- ²⁸ «Отечественные Записки» 1872, № 5, стр. 75.
- ²⁹ Там же, № 6, стр. 315, 319.
- ³⁰ Там же, № 7, стр. 162, 183.
- ³¹ Ленин, Экономическое содержание народничества. 1-е изд. соч., т. II, стр. 52.
- ³² «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 245.
- ³³ Сочинения Н. К. Михайловского. Изд. редакции «Русского Богатства», т. V, стр. 293.
- ³⁴ В примечаниях Н. Яковлева к соответствующему письму Щедрина ошибочно указано, что статья Мордовцева напечатана в № 8 «Отечественных Записок» («Письма». ГИЗ, 1926, стр. 140). В связи с этим встает вопрос о том, не допущена ли Н. Яковлевым ошибка при прочтении рукописи письма № 115, так как и в этом письме дано указание о том, что статья Мордовцева помещена в № 8 журнала.
- ³⁵ «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 140—141.
- ³⁶ «Отечественные Записки» 1876, № 7, стр. 105—106.

- ³⁷ «Борьба за индивидуальность». — «Отечественные Записки» 1876, № 4, стр. 173—174.
- ³⁸ Михайловский, Н. К., Что такое прогресс. Изд. «Колос», 1922, стр. 89.
- ³⁹ Цитирую по «Т. Н. Грановский и его переписка». М., 1897, т. I, стр. 136—137.
- ⁴⁰ Ленин, Экономическое содержание народничества. 1-е изд. соч., т. II, стр. 62.
- ⁴¹ Русанов, Н. С., На родине. М., 1931, стр. 145, 251, 256.
- ⁴² «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 253.
- ⁴³ См. статью Б. П. Козымина в сборнике «Русская журналистика. 60-е годы». Изд. «Academia», 1930, стр. 37 и след.
- ⁴⁴ «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 180.
- ⁴⁵ «Отечественные Записки» 1880, № 6, стр. 205.
- ⁴⁶ Цитирую по Л. М. Клейнборг «Г. З. Елисеев». Изд. «Колос», 1923, стр. 37.
- ⁴⁷ «Отечественные Записки» 1883, № 7, стр. 100.
- ⁴⁸ «Литературные воспоминания и современная смута». СПб., 1905, т. II, стр. 55.
- ⁴⁹ «Отечественные Записки» 1883, № 12, стр. 515 и 517.
- ⁵⁰ «Неделя» 1884, № 1, стр. 28.
- ⁵¹ «Исторический Вестник» 1911, апрель, стр. 56.
- ⁵² «Отечественные Записки» 1878, № 4, стр. 222.
- ⁵³ «Голос Минувшего» 1914, № 5, стр. 215.
- ⁵⁴ «Отечественные Записки» 1880, № 12, стр. 177.
- ⁵⁵ «Письма». ГИЗ, 1926, стр. 179.
- ⁵⁶ «Отечественные Записки» 1880, № 6, стр. 188—189.
- ⁵⁷ «Отечественные Записки» 1880, № 7, стр. 127—132.
- ⁵⁸ Соч. Достоевского. ГИЗ, 1929, т. XII, стр. 389—390.
- ⁵⁹ Соч. Щедрина. ГИЗ, 1927, т. IV, стр. 208.
- ⁶⁰ Там же, стр. 149.
- ⁶¹ Там же, стр. 646.
- ⁶² «Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 29.
- ⁶³ «Отечественные Записки» 1883, № 7, стр. 106.
- ⁶⁴ Сочинения Щедрина. Лит.-издат. отдел Наркомпроса, П., 1918, т. V, стр. 45.
- ⁶⁵ Ленин, Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. 1-е изд. соч., т. XVI, стр. 194—195.
- ⁶⁶ Ленин, Что делать? 1-е издание соч., т. V, стр. 228.
- ⁶⁷ Ленин, Экономическое содержание народничества. 1-е изд. соч., т. II, стр. 62.
- ⁶⁸ Ленин, Что такое «друзья народа». 1-е изд. соч., т. I, стр. 190—191.
- ⁶⁹ Кузьмин, Д., Народовольческая журналистика. Изд. «Общества Политкаторжан». М., 1930. Послесловие В. Фигнер, стр. 249—250.
- ⁷⁰ См. указанную в предыдущем примечании книгу Д. Кузьмина (Е. Колосова).
- ⁷¹ Там же, стр. 264—265.
- ⁷² Сочинения Щедрина. Лит.-издат. отдел Наркомпроса, П., 1918, т. V, стр. 782.
- ⁷³ Ольминский, М., Статьи о Щедрина. ГИЗ, 1930, стр. 58.
- ⁷⁴ Сочинения Щедрина. ГИЗ, т. IV, стр. 340—343.
- ⁷⁵ Ольминский, М., Статьи о Щедрина. ГИЗ, 1930, стр. 58.